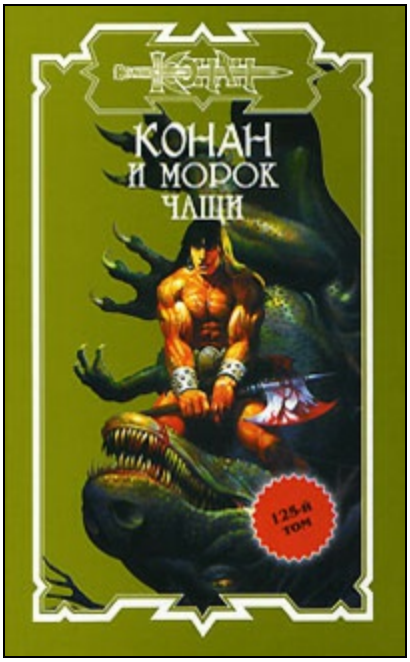
•



Олаф Локнит

Морок Чащи

ВСТУПЛЕНИЕ

Этот туманный лес протянулся на полторы тысячи лиг вдоль закатного побережья материка, от устья Черной реки до самых границ холодного Нордхейма и земель ваниров. Непролазные дебри, прореженные вересковыми пустошами и озерами являют собой своеобразный остров посреди земли - от равнин Аквилонии его отделяет полноводная река, со стороны заката полудня он омывается Великим океаном, на полуночи же воздвигаются почти непреодолимые скалы дальних отрогов Киммерийских гор.

Испокон веков кажущееся необитаемым и диким пространство меж Океаном и Черной рекой именовалось Пущей. А чаще - Пиктской Пущей, по названию немногочисленных племен дикарей, заселивших леса на Закате еще во времена легендарной Кхарии. Впечатление необитаемости Пущи, однако, обманчиво. Ар и пикты, странный народ, отличающийся необычным сероватым цветом кожи, вовсе не столь уж немногочисленны. Некоторые

ученые мужи полагают, что эти таинственные дебри могут населять до тысячи тысяч варваров, а то и больше... Слишком уж велика Пуща - если бы великий аквилонский государь Сигиберт Завоеватель присоединил эти земли к своему королевству, то пределы Аквилонии расширились бы не менее, чем в полтора раза. Но войско, отправленное Сигибертом за Черную реку на покорение дикарских племен исчезло бесследно и его судьба осталась неизвестной: ни единый аквилонец из Пущи не возвратился...

Сигиберт был умным правителем, и понял, что нет смысла растрачивать силы ради завоевания бесплодных лесных пространств — у Аквилонии и без пиктов в те времена было достаточно врагов. По приказу короля на восходном берегу Черной реки были воздвигнуты несколько десятков сторожевых фортов, и на том неутомимый Сигиберт успокоился, посчитав, что владеет и без того достаточно большим государством, лишь немногим уступающим по площади огромной Немедии.

В сущности, отказ короля Сигиберта от завоевания Пущи и предопределил дальнейший ход событий. Окажись пикты усмирены закованными в сталь аквилонскими легионами, то небезызвестная война 1286-1288 годов так никогда бы и не разразилась, а Трон Льва был бы навсегда избавлен от опасности, грозящей с Заката.

За триста лет, миновавших со славной эпохи правления Сигиберта Великого, в Пуще произошли изменения, пошедшие отнюдь не на пользу цивилизованым соседям пиктских племен. Пограничные стычки учащались, вместо одного-двух набегов в год, пикты теперь нападали на Аквилонию и полуночные графства Зингары едва ли не каждую луну... Было замечено, что дикарей стало больше, причем существенно больше. Скудость почвы, а так же присущая всем варварам агрессивность и столкнули с горы тот самый первый камень, коему предстояло стать причиной лавины...

Следует непременно добавить, что деятельные и горячие зингарцы, управляемые пусть и старым, но мудрым королем Фердруго из династии Бальтанасое, смогли наладить активную оборону от грозящего нашествия - хитрая система укреплений и крепостей на границе позволила подданным Зингары не опасаться вторжения. В Аквилонии же дело обстояло совершенно по-другому, и виной тому был новый государь, сменивший на троне короля Вилера Эпимитрея. Имя этому королю - Нумедидес.

В этой хронике описана история восхождения прежде безвестного следопыта Конана Канах, начинавшего своп путь к престолу Аквилонии именно от рубежей бескрайней Пущи.

Здесь всегда туман... Но можно постараться пронзить его завесу своим взором и увидеть, что же в действительности происходило на Черной реке и в самой Аквилонии в те годы, когда само существование государства оказалось под угрозой, предвидеть которую никто не мог...

Хальк, барон Юсдаль-младший,
личный библиотекарь и летописец
короля Конана Аквилонского, из Канахов.

Форт Тусцелан, граница с Пущей Пиктов

— Хоть голову мне руби, но я уверен: мы застряли тут навсегда, — ворчал Хуннар, седоусый сотник наемников, одновременно постукивая по грязному столу кружкой с черным элем. — И домой уже не вернемся. Пикты повсюду! Стоит высунуть нос за стены форта, как наткнешься либо на пиктскую стрелу, либо на дротик или копье! Разве это можно назвать

войной?

— Вполне, — уверенно отозвался собеседник почтенного сотника. — Тактика пиктов вполне разумна, они хотят взять нас измором, задавить числом. Можешь мне поверить: конница и тяжелая пехота на которых сначала так надеялся герцог Троцеро Пуантенский, тут не помогут. Обычное войско не может действовать в лесах, где каждая тропка, каждая лощина и любой распадок известны врагу. Между прочим, лет тридцать назад, когда киммерийцы воевали с Аквилонией за приграничные земли, мои соотечественники действовали примерно так же, как и пикты сейчас: ударили малыми силами, нанесли максимально возможный ущерб, сожгли форт и снова исчезли в горах... Попробуй, поймай! А угадать, где именно произойдет следующее нападение - невозможно.

— Вот и я о том же говорю, — грустно ответил Хуннар. — Руку даю на отсечение, вышибут нас из Конаджохары меньше, чем за полгода. Хорошо, если ноги унесем, а если нет? Слышал, что пикты делают с пленниками?

— Даже видел своими глазами, — мрачно отозвался черноволосый верзила, сидевший напротив сотника. — Подозреваю, что когда с живого человека сдирают кожу — это очень неприятно. Двое парней из моего десятка попались в лапы разрисованным серокожим дикарям, а остальные были вынуждены наблюдать из зарослей за тем, что с ними потом произошло... Отбить пленных мы никак не могли - не попрешь же против двух сотен пиктов всемером?

— Всемером? — буркнул сотник. — И где эти семеро? Конан, за последние четырнадцать дней ты потерял весь свой десяток! А это были опытные следопыты!

— Не весь, — спокойно возразил тот, кого назвали Конаном. — Двое осталось. Я и Эмерт из Боссонии.

— Людей больше не дам, — Хуннар шлепнул ладонью по столешнице. - Откуда их взять? Говорят, Троцеро и его племянничек Просперо продолжают собирать наемников едва ли не во всех государствах к Закату от Кезанкийских гор, но когда подойдет подкрепление - никому неизвестно. А в Тусцелане сейчас осталось едва ли четыре сотни мужчин, способных держать меч, да сотни две баб с ребятишками, которых я вооружил луками и самострелами. Один или два штурма мы наверняка отобьем, но что делать дальше? Бросать форт и уходить на Восход, в Боссонию?

— Исключено, — покачал головой Конан. — Вокруг леса, кишащие пиктами, а действовать по благородным правилам аквилонской военной науки варвары не станут: устроят засаду и за милую душу перебьют всех до единого! Стены Тусцелана — наша единственная защита до той поры, когда Троцеро пришлет помощь.

— Помощь? — фыркнул Хуннар. — Сам ведь только что сказал про кишащий дикарями лес! По большому счету от Велитриума и Венариума мы отрезаны, гонцы погибают, надежда только на голубиную или соколиную почту! Мы...

— Сотник! — со стороны двери, ведущей в глинобитный домик, донесся высокий возглас - явился порученец Хуннара, один из местных мальчишек по имени Хольм. — Господа десятники на стены зовут! Немедля!

— Что там? — Хуннар сжал зубы, подозревая, что стряслась некая очередная гадость. — Пикты?

— Вроде нет, ваша милость, — замотал вихрастой башкой Хольм. — В лесу рога трубят, аквилонский сигнал! Наши на подходе!

— Быть того не может! — сотник аж привстал. — Конан, а ну пошли, глянем!.. Хольм,

подлец, ты ничего не перепутал?

— Не перепутал, — твердо сказал парнишка. – Сигнал, принятый в аквилонском войске, означает «Мы на подходе, встречайте!».

Хуннар вопросительно посмотрел на Конана, но тот, уяснив, что хочет спросить сотник, отрицательно качнул головой:

— Это не может быть хитростью дикарей. Они никогда не используют боевые рога. Только полые морские раковины, а у них совсем другое звучание. И я доселе не слышал о том, что пикты решили разучить боевые сигналы войска Трона Льва! Идем! Надеюсь, это и впрямь подмога! Ничего не скажу, очень вовремя...

* * *

Конан Канах из Киммерии, Хуннар из Шамара и лучник Эмерт стояли рядом на высокой бревенчатой стене Тусцелана. Справа серебрилась широкая лента реки, за которой темнела Пуща, а с трех других сторон небольшую крепость обступали зелено-седые чащобы боссонского порубежья. На угловых башнях толпились обитатели форта и наемники, тоже заслышавшие неожиданный сигнал, пришедший со стороны Восхода.

Хуннар подумал было, что девиц с детьми надо согнать вниз, чтобы не попали под случайную пиктскую стрелу, но ничего приказывать десятникам не стал — день вроде выдался спокойный, пускай поглядят...

— Ого, слышите? — подал голос киммериец.

Совсем неподалеку снова раздался низкий голос боевого рога. — Точно, аквилонцы! Только бы не конники и не щитная пехота - здесь от них никакого толку!

— Вот они! – Эмерт Боссонец вытянул руку, указывая на показавшийся из чащи передовой отряд. - Однако, никакие это не аквилонцы! Видите знамя? Да и вооружены странно...

Знамя действительно оказалось необычным - длинный алый вымпел с изображением смоляно-черного летящего ворона. Щиты у облаченных в кольчуги воителей оказались круглыми, с изображениями солнечных коловоротов или рунических символов. Конан насчитал только шесть всадников, остальные двигались пешком.

— Наемники, — убежденно сказал киммериец сотнику. — Судя по ворону на знамени, это нордлинги, скорее всего асиры.

— Разберемся, — кивнул Хуннар и рявкнул на караульных: — Эй, там, открывайте ворота! Встретим дорогих гостей!

Дорогие гости и впрямь оказались асирами - Конан не ошибся. Этим оторвиголовам с дальних полуночных островов было все равно с кем и на чьей стороне воевать, лишь бы золото в карман текло. Конуги-вожди нордхеймских дружин прослышали, что герцог Троцеро собирает наемную армию (и вдобавок весьма неплохо платит за службу), после чего к войску Пуантенских властителей начали присоединяться как небольшие, так и вполне многочисленные отряды с Полуночи. В этом не было решительно ничего необычного - нордлинги отличные вояки, а в числе наемников в Конаджохаре можно было встретить выходцев практически из всех стран Заката, от Зингары до Гипербореи и от Аргоса до

Турана. Конану, между прочим, было слегка обидно за своих соотечественников-киммерийцев - он доселе не встретил на Черной реке ни единого сородича, решившего завоевать славу и золото своим клинком. Впрочем, много ли киммерийцев бродит по дорогам Заката?..

Оказалось, что прибывший в Тусцелаи отряд числом в сто десять клинков и впрямь был выслан на помощь находившейся в окружении крепости светлейшим герцогом, командовавшим своей армией из большого форта Велитриум, стоявшем в двадцати семи лигах выше по течению реки. Как ни странно, асиры добрались до Тусцелана почти без приключений - тут надо отдать должное опытным следопытам, сумевшим отыскать безопасную дорогу, и возблагодарить богиню удачи: крупные отряды пиктов, скорее всего, ныне отошли за реку, где, по слухам, вождь дикарей Зогар Саг начал готовить новое вторжение на земли Аквилонии.

Вождем нордхеймской дружины оказался сравнительно молодой конуг Хальвдан, и как показалось Конану, он был не слишком опытен в деле войны на суше - известно, что асиры промышляют молниеносными набегами на прибрежные поселения: высадились со своих лодий-драконов, вволю пограбили и снова исчезли в морских далях. А в Тусцелане нордлиигам придется держать долгую осаду и, не исключено, отражать нападение на крепость, которое в свете полученных от пленных пиктов скверных новостей, было весьма и весьма возможно.

Так или иначе, лишняя сотня клинков Тусцелану совершенно не помешает, а если учитывать почти безрассудную храбрость асирских дружинников и их отличное вооружение (к оружию и доспеху нордлинги относились даже более трепетно, чем к золоту), то гарнизон форта получил неплохое пополнение.

Хуннар мигом нашел общий язык с Хальвданом - досточтимая матушка сотника, оказывается, происходила родом из какого-то асгардского фьорда и он отлично помнил нордхеймское наречие, что значительно облегчило взаимопонимание: большинство асиров почти не говорило на аквилонском языке.

Разместили гостюшек по-королевски, в трех пустующих общинных домах, которые были благоразумно покинуты поселенцами в самом начале противостояния в провинции Конаджохара - самые умные и осторожные успели уехать в Боссонию до того, как дороги оказались перекрыты пиктами.

— И что ты о них думаешь? — осведомился Хуннар у Конана, когда были решены вопросы с жильем и пропитанием для дружины Хальвдана. — Троцеро, как следует из письма (сотник указал на валявшийся на столе пергаментный свиток) распорядился, чтобы нордлинги выполняли мои приказы, но всем известно, что простые хирдманны слушаются только своего конуга и его десятников...

— Что думаю? — почесал в затылке киммериец. — У них почти нет лучников, асиры считают лук неблагородным оружием, полагаясь исключительно на меч. А это плохо, поскольку наша главная защита — лук и самострел. Никто не спорит, нордхеймцы хороши в полевом бою, строй на строй, против их стены щитов» никто не устоит. Но как ты себе представляешь открытый бой с пиктами? Выскочили из леса, осыпали противника дротиками — и снова в кусты, ищи их потом! Одно хорошо: асиры неплохо защищены от магии, а это в наших условиях немаловажно...

— То есть?— Хуннар непонимающе вздернул брови.— Они разве колдуны? Мать мне ничего подобного не рассказывала.

— Да какие из этих бородачей колдуны?— скривился Конан.— Тут в другом дело. Видел, они привели с собой шамана-годи? И не поленились, приперли на собственных горбах аж трех истуканов — Доннара, Хеймдалля и Вотана. Своего рода «походные божества». Так поступают многие нордхеймские дружины — без богов никуда! Почти у каждого на щите нарисованы защитные руны, отгоняющие злую силу. Как думаешь, какая магия в нашем мире самая древняя?

— Кхарийская, наверное...— невпопад ответил сотник.

— Ничего подобного! Руны использовались с самых древнейших времен, до Валузии и Атлантиды, когда о кхарийцах и империи Ахерона никто и слыхом не слыхивал. Можешь мне поверить, в Киммерии охранная руническая магия тоже известна — мой отец был кузнецом и на каждом клинке выбивал обережные знаки, главные символы я помню еще с детства.

— Но при чем тут хирдманны конуга Хальвдана?

— Ты слушай, не перебивай! Те, кому боги предназначили стать жрецами, учатся рунической магии едва ли не с младенчества. Годи обязан знать любые сочетания рун, знаки могут помочь отогнать злую силу, исцелить хворь, сделать оружие непобедимым. А теперь давай вспомним, что наши дружки-пикты вовсю пользуются магией, причем далеко не самой безобидной. Лично у меня есть уверенность в том, что нордлинги защищены от колдовства Зогар Сага и его приятелей куда лучше нас. Руны уберегут!

— Я бы на твоем месте не был так уверен,— покачал головой Хуннар.

— Время покажет.

— Точно. Время покажет.

* * *

Прошло два дня. Обстановка вокруг Тусцелана не менялась — Следопыты изредка натыкались на оставленные небольшими пиктскими отрядами кострища, однако вблизи маленькой крепости дикари не появлялись. Скорее всего, крупные племена ушли дальше на Восход, оставив приграничные форты в глубоком тылу, что было вполне разумно: так или иначе аквилонцы и наемники побоятся высовывать нос из-за стен, пусть уж сидят в своих ненадежных крепостях. Скоро и до них дойдет очередь.

Нордлинги в Тусцелане обжились моментально и сразу стали естественной, хоть и шумной, частью гарнизона. Конан свел знакомство с конугом, его десятниками и, конечно с годи-жрецом. Последний оказался вовсе не почтенным стариканом с седой бородой и грозным взглядом, а русоволосым парнем от силы двадцати трех лет от роду; имя же жрецу было Сигвальд, сын Орма из Троллефьорда. Соотечественники-асиры годи уважали и даже слегка побаивались, несмотря на совсем молодой возраст - он общается с богами, ему подвластен мир невидимый, Сигвальд может заглядывать в обитель духов, незримую для простых смертных. Недаром боги отметили его при рождении - на шее годи, справа, у самого подбородка было родимое пятно в форме молнемечущего молота Доннара.

Практичный Конан мигом выяснил, что жрец есть человек общительный и скучающий - нельзя же всю жизнь только с духами разговаривать? - что Сигвальд отнюдь не дурак выпить в хорошей компании кружечку-другую черного эля и что он владеет мечом ничуть не хуже (а

возможно и лучше) прочих асиров. Годи обязан подавать пример всем остальным — так велят боги.

Следует добавить, что никакого благоговейного трепета по отношению к ремеслу Сигвальда варвар не испытывал. Божества Асгарда, бесспорно, являются могучими духами, но поскольку киммерийцам покровительствует Кром (а лично Конану еще и Иштар, каковую богиню варвар уважал ничуть не меньше), Конан рассудил, что он не имеет к богам Сигвальда ровным счетом никакого отношения. Единственное, что объединяло киммерийского Крома и асгардского Вотана - общая руническая магия.

Нордлинги под бдительным присмотром годи незамедлительно вкопали в землю перед своими домами всех трех идолищ - пускай охраняют от напастей - а Сигвальд моментально вымазал лупоглазые морды деревянных истуканов медом и кровью жертвенного барашка: боги они, как и люди, тоже кушать хотят. С тем жрец посчитал свой долг выполненным и отправился гулять по форту, дабы познакомиться с его обитателями. То, что в единственной на весь Тусцелан таверне (даже не носившей названия) Сигвальд сразу наткнулся на Конана, было, как часто выражаются скальды, велением судьбы.

По мнению киммерийца, годи сразу показал себя с лучшей стороны - Сигвальд отлично понимал, что его сородичи и он сам застряли в этих лесах надолго, а потому следует обстоятельно поговорить с опытными людьми и вызнать все подробности здешнего житья-бытья, узнать о возможных опасностях, приметах и поверьях. Конан всегда гордился своей отличной памятью и наблюдательностью, а потому когда молодой жрец подсевший за стол к варвару начал засыпать Следопыта вопросами, варвар вывалил на Сигвальда столько новых для асира сведений, что тот лишь головой качал, да слушал, рот раззявив.

Занимательная беседа продолжалась полный вечер и половину ночи, а когда над угрюмым лесом начал подниматься сероватый рассвет, двое варваров расстались едва ли не лучшими друзьями. Сигвальд, отягощенный новыми познаниями отправился на покой, а киммериец решил проверить караулы на башнях.

— Чего встал в такую рань? — хмуро осведомился Хуннар, завидев поднявшегося на стену Конана. В едва нарождавшихся рассветных сумерках лицо сотника казалось синим, будто у мертвеца. Со стороны реки наползал густой вязкий туман, редкие факелы на угловых башнях были окружены мерцающим желто-оранжевым ореолом. — Тоже не спится?

— Всю ночь с асирским годи говорил, — подавляя зевок, проворчал киммериец. – Шустрый парнишка, соображающий. Далеко пойдет, попомни мои слова: по законам нордлингов жрец может стать и военным вождем. Асиры верят, что так даже лучше для дружины — мол, если конуг или хевдинг ближе к богам, то и удача будет сопутствовать вдвойне. Вытряс из меня все, что я знаю о пиктах, их оружии, повадках, лесных божествах серокожих.

— Лесных божествах, говоришь? — эхом отозвался Хуннар и странным голосом сказал:

— Ночь сегодня была необычная... Я не стал поднимать тревогу, но в лесу явно что-то происходит. Что-то недоброе.

— А поточнее можно? — насторожился Конан, машинально коснувшись рукояти клинка - слишком уж мрачным тоном говорил сотник. — Тебя ночная стража разбудила? Что видели?

— Пиктов...

— Нашел чем удивить...

— Ты дослушай. Едва зашла луна твой приятель Эмерт, стоявший в карауле на

Полуденной башне разглядел, как дикари переправлялись с нашего берега обратно в Пущу. Сам знаешь, Эмерт видит в темноте лучше любой кошки.

Варвар молча кивнул. Была у боссонского лучника такая полезная особенность.

— Так вот, пиктов было очень много - несколько сотен. Переправлялись совсем рядом с фортом, вон там, шагах в пятистах от нас, — Хуннар вытянул руку, показывая на изгиб реки, еще не скрытый туманом. — Никаких челнов, плотов. Только вплавь. Это очень походило на... На бегство.

— И от кого им бежать? - не без иронии осведомился Конан, вздернув бровь. — От наших асиров? Или герцог Троцеро двинул к реке войско числом в сто тысяч мечей? Не верю!

— Несколько сотен, — повторил Хуннар. — Целое племя, если не союз двух или трех племен. Понимаешь? Ты абсолютно прав: здесь пиктам бояться некого, любой наш отряд они просто задавят числом. Но это не все, что видели караульные. В стороне Полуденного Восхода ненадолго появилось некое сияние, возможно магическое. А потом... Потом поднялся ветер.

— Дожили, теперь даже ветра боимся, — сокрушенно покачал головой Конан. — И тебе не стыдно?

— Ничуть, — резко ответил сотник. — Чересчур странный ветер. Очень холодный. И какой-то... слишком постоянный. Я тогда еще расслышал в лесу звуки, будто птицы кричали. Но это были не птицы.

— А кто?

— Откуда я знаю? Словно рыдал кто-то. Очень далеко, лигах в четырех-пяти от форта, отсюда едва слышно. Могу только одно сказать: это был не человек. Только пожалуйста, не спрашивай, почему я так решил. Не знаю. Ветер, синеватое зарево над лесом, плач этот жуткий... Мороз по коже, клянусь посохом Эпимитриуса! Я в Тусцелане четыре с половиной года живу, никогда ничего подобного не случалось.

— Та-ак, а вот такое прежде случалось? — Конан, углядев неясное движение в тумане, указал направо и вниз, в сторону кромки леса. — Ты только взгляни! Совсем обнаглели, твари раскрашенные!

Между стенами форта и лесом было совершенно голое пространство шириной шагов в триста — деревья вырублены, а сухая трава и кусты выжжены. По крайней мере, враг не сможет подобраться близко к форту незаметно, скрываясь под лесным покровом. С высоты башни было отлично видно, как вдоль строя вековых деревьев по направлению к реке движется цепочка людей. Пикты шли бесшумно и казались темными призраками, плывущими в туманном мареве, которое укрывал их почти до пояса.

— Десятков пять или шесть... — опытный сотник сразу оценил численность возможного врага. — Надо же, не боятся показываться возле самой крепости, хотя знают, что могут получить стрелу! Надо бы людей разбудить, мало ли...

— Кажется, мы дикарей не интересуем, — тихо ответил Конан. — Они идут к реке, возле форта течение не такое быстрое, можно переправиться. Смотри, смотри - еще отряд! По-моему они побаиваются заходить в лес и нарочно движутся по открытому пространству. Ничего не понимаю!

Тем временем первые десятки серокожих спустились к берегу и поплыли на другой берег. Конан поежился - он отлично представлял, насколько холодна сейчас речная вода.

— Никаких объяснений, — развел руками киммериец, в ответ на вопросительный

взгляд Хуннара. — Что-то или кто-то выгоняет пиктов с аквилонского берега обратно в Пущу. Но какова причина – остается только гадать. Хотя я сомневаюсь, что в этом исходе виноват этот самый плачущий ветер. Дикари в своих чащобах и не с такими чудесами сталкиваются, привыкли. Вот что... Возьму-ка я сегодня несколько Следопытов поопытнее и попробую поймать одного-двух дикарей. Не все же они за единственную ночь сбежали в Пущу? Может, получится узнать у пленных, что именно происходит в лесу. Не верится мне, что Зогар Саг так просто отказался от войны и возвращает подчиненные ему племена на Закатный берег. Тут причина поглубже и посерьезнее.

— Действуй, — кивнул Хуннар. — Только ради всех богов, не уходите далеко от форта и не рискуйте зря. Не хочу глупо потерять последних Следопытов...

— Хотел бы я не рисковать - жил бы в благополучной Зингаре, в своем домике с виноградником, грудастой женой и выводком детишек, — усмехнулся варвар. — Не беспокойся, ничего со мной не случится.

— С тобой - да, а с остальными?

— Я уж за ними присмотрю, не впервой!

* * *

Конан, решившись на вылазку за стены Тусцелана, долго не раздумывал: с собой варвар решил взять Эмерта-лучника и, как ни странно, годи Сигвальда - хотелось проверить асира в деле. Следует вспомнить, что жрецы нордлингов обучаются не только общению с богами, но еще и отлично разбираются в следах и лекарственных растениях. Кроме того, невысокий, но коренастый Сигвальд - отличный боец.

До восхода солнца покидать форт было опасно, а потому киммериец решил дождаться ясного дня и провести время с пользой – следовало хоть немного отдохнуть. Возвращаться в душный дружинный дом Конану не хотелось, посему он запросто расстелил теплый плащ прямиком на галерее крепостной стены и мгновенно уснул.

Разбудили варвара блеклые лучи вышедшего из-за облаков весеннего солнца, бившие прямо в лицо. Светило почти поднялось к зениту, значит близился полдень.

— Ух, как скверно, — проворчал Конан, протирая глаза. – Эдак, мы не успеем вернуться к закату, а ночевать в лесу мне не хочется.

Эмерт, которого киммериец нашел в таверне, согласился отправиться в лес без лишних вопросов — надо, значит надо. Боссонец вообще крайне редко спорил или выражал недовольство, не в его характере это было. Теперь оставалось отыскать Сигвальда.

Оказалось, что жрец благополучно почивал в пустой конюшне, стоявшей возле крепостной стены - асир устроил себе роскошное ложе из сухого прошлогоднего сена и, судя по могучему храпу, разбудить его могли только звуки рога Хеймдалля, возвещающего о начале Великой Битвы Богов.

— А? Чего? — лишь после изрядного пинка под ребра носком сапога Сигвальд встрепенулся и осоловело вытаращился на варвара. — Пикты?

— И пикты тоже, — согласился Конан. — Поднимайся, лежебока! Мы с Эмертом хотим прогуляться в лес, составишь компанию?

— Конечно, — не раздумывая, ответил жрец, попутно вынимая соломинки из спутанных волос. — Подождите, сбегаю к конугу, надо предупредить.

— А вдруг не отпустит? — хитро прищурился киммериец.

— Кто он такой, чтобы иметь власть над слугой богов? — фыркнул Сигвальд, вставая. – Я сам собой распоряжаюсь.

— Отлично. Тогда встречаемся у ворот...

Спустя половину квадранса годи примчался к надвратной башне, где его поджидали Конан и Эмерт. Киммериец одобрительно хмыкнул: Сигвальд успел поддеть под куртку из кожи тюленя кольчугу и вооружился, только не обычным прямым нордхеймским клинком, а двумя изогнутыми ножами для обоерукого боя — редкое искусство. За спиной болтался холщовый мешок.

— Уходишь на день - еды бери на седмицу, — серьезно сказал жрец, перехватив взгляд варвара. — Решил взять лепешки, вяленое мясо и флягу со сладким пуантенским вином. У нас во фьорде, конечно, предпочитают доброе пиво, но у аквилонцев принято пить вино. К тому же оно лучше согревает, особенно ночью.

— Ночью? — усмехнулся Конан. — Нет уж, мы обязаны вернуться до темноты. Не сможем изловить пикта, завтра снова пойдем.

— Так мы идем за пленником?

— Ты догадлив, как я погляжу... Эй, на башне! Выпустите нас!

Само собой, что распахивать настежь тяжелые окованные железом ворота крепости караульные не собирались. Правая створка лишь чуть сдвинулась, открывая щель в которую мог проскользнуть человек, а когда Конан сотоварищи вышли за стены, снова затворилась.

— Идем к реке, а дальше - вдоль берега на Полдень, — распорядился киммериец. — И смотреть в оба глаза!

Эмерт и жрец молча кивнули, а боссонец, чей длинный лук покоился в туле за спиной, взял в левую руку маленький арбалет, чья рукоять запросто умещалась в ладони. Оружие с виду несерьезное, но выпущенный из такого игрушечного самострела тонкий металлический болт запросто пробивал любой доспех на расстоянии шагов в тридцать. Если учитывать, что пикты доспехи не носят, то стрела могла поразить недруга и за добрую сотню шагов - это Эмерт давным-давно выяснил на собственном опыте, еще во время зимних вылазок в Пущу.

Левобережные леса всегда пользовались дурной славой, и не только из-за пиктских набегов. Пожалуй, это была самая неисследованная часть новообретенных земель закатной Аквилонии - люди обитали только вокруг фортов и в поселках вдоль дорог, предпочитая не углубляться в чащобы, кишевшие как весьма опасными хищниками наподобие знаменитых болотных ящеров, так и бесплотными существами, о которых стараются не упоминать перед наступлением ночи. Аквилонцы чувствовали враждебность леса и их убежденность в том, что эти угрюмые пущи могут принести поселенцам лишь одни несчастья породила множество самых разнообразных баек и леденящих душу историй о многоразличной нечисти, обитающей за стенами фортов...

Конан, вдоволь наслушавшись легенд о лесных девах, бродячих деревьях, туманных призраках и прочих непременных персонажах местных легенд с ходу уяснил, что большинство страшненьких сказаний не имеют под собой ровным счетом никакого основания — за свою жизнь варвар повидал достаточно всяческой нечисти и нежити для того, чтобы отличать правду от порождений незамысловатой человеческой фантазии. Однако, были истории, к которым стоило прислушаться: Конан по опыту прошлых путешествий и

приключений точно знал, что умертвия-гули, обитающие возле древних захоронений или лесные карлики-данхан, способные заморочить человека своей магией и завести в болото - существуют, это такая же реальность как самые обыкновенные медведи или волки, только стократ опаснее. А если, вспомнить, что ни единый ученый муж из Тарантии или Гайарда Пуантенского доселе не удосужился составить полное описание здешних лесов, полагаться следовало только на присущее всем варварам врожденное чутье на опасность и недоступную «цивилизованным»» аквилонцам наблюдательность.

Вот, пожалуйста: не далее как вчера в этом месте на берег вылез крупный болотный ящер, судя по примятой траве и смазанному отпечатку лапы, зверюга была размером самое меньшее с подрастающего теленка. Следует быть более осмотрительным - ящеры на людей нападают редко, знают, что связываться с двуногими чревато, но если зверь голоден, то от него можно ожидать любых пакостных сюрпризов: затаится в кустах, подпустит добычу поближе, потом мгновенный рывок... И никакое оружие не спасет. Дней десять назад киммериец своими глазами видел, как такой вот ящер в мгновение ока челюстями переломил шею одному из здешних колонистов, а двух других покалечил ударами толстого, как бревно, хвоста...

Конан, Эмерт и Сигвальд прошли вдоль берега не более полулиги, затем варвар решил углубиться в чащу, постоянно забирая влево - он решил обойти форт по кругу. Не то, что следопыту, даже совершенно не знакомому с лесной премудростью человеку заблудиться здесь было бы невозможно - сориентируйся по солнцу, иди все время на Закат и ты обязательно наткнешься на реку.

— Птицы молчат, ты заметил? — шепнул Конану боссонец, оглядывавший колоннаду древесных стволов. — Или их кто-то спугнул, или...

— Или что? — проворчал варвар. — Сигвальд, ты ближе знаком с магией, чем мы, простофили. Ничего странного не чувствуешь?

Асир быстро, будто хорек, глянул вправо-влево, потеребил висевший на шее серебряный амулет и сказал неуверенно:

— Холод...

— Какой такой холод? — не понял Конан. — Смотри, солнышко выглянуло, мне даже жарко становится.

— Это другой холод, — отозвался годи. – Его не все ощущают. Словно волнами накатывает. Из глубины леса.

— Магия? — быстро спросил киммериец.

— Возможно, и магия. Да только я в жизни такой магии не встречал. Она нечеловеческая, не принадлежащая пиктам... Как бы не был силен Зогар Саг или его друиды-колдуны - они пользуются человеческой волшбой, пусть и берут силу у деревьев. А тут что-то иное. Ничего точно сказать не могу, никогда прежде не сталкивался ни с чем похожим.

— Вот скажи, какая тогда от тебя польза? — добродушно протянул Конан. — Ладно, пошли дальше...

Варвар хотел еще что-то сказать, но его прервал уже знакомый плач, эхом донесшийся из чащобы. Рыдания неизвестного существа пронеслись над верхушками деревьев, достигли самой верхней ноты и столь же внезапно оборвались.

— Нет, это точно не птицы, — покачал головой киммериец. — И не животные. Не упомню я зверя, способного так стенать. Впрочем, не будем ломать головы — у нас другая задача: изловить хоть одного пикта и устроить с ним задушевную беседу.

— Это когда берут за душу и лезут в нее сапогами? — мрачно проронил Эмерт, — Нечего стоять у края поляны, заметить могут.

— Похоже, некому нас замечать, — сказал Сигвальд и бодренько зашагал вслед за Конаном. — Будто вымерли все. Ни единого звука в лесу, одни мы топочем, будто стадо быков, за лигу наверное слышно...

За время трех колоколов маленький отряд почти обошел Тусцелан со стороны Восхода и Полуночного Восхода. Не везло: следов пикты оставили множество, а вот самих серокожих по близости не наблюдалось.

— Тихо! — вдруг шикнул Эмерт и замер на месте. — Правее распадка, возле четырех сосен. Видите?

Конан мгновенно привязался к названным боссонцем ориентирам и различил несколько теней, двигавшихся к реке.

— Пикты, шесть мужчин, две женщины, — определил киммериец. — Похоже, небольшая семья, отставшая от племени. Быстро за мной, надо отрезать их от берега! Мы сейчас на холме, они нас не видят...

Залегли в кустах, шагах в двадцати от воды. Конан верно рассчитал, что пикты пойдут к реке по ложбине — дикари знали, что в этих местах можно запросто наткнуться на небольшие отряды Следопытов и посему вели себя крайне осмотрительно.

Вскоре стало ясно, что мужчины-пикты были неплохо вооруженными воинами - киммериец заметил взблеск солнечного луча на наконечнике короткой пики. За ними шли две молодых девицы и старуха, почему-то тащившая завернутого в шкуры младенца.

— Сигвальд, будь очень внимателен, — Конан заметил, как асир недовольно покачал головой - нордлинги не воевали с женщинами, это считалось бесчестным. — Любая из этих дикарок перережет тебе горло не раздумывая! Запомни: перед тобой враг. Враг подлый и хитрый... А поэтому - они все должны умереть. Эмерт, начинаем!

Нападение оказалось неожиданным. Боссонец за несколько мгновений ухитрился положить стрелами троих варваров, а Конан и годи не желая терять драгоценное время рванулись вперед.

Сигвальд и тут не сплоховал - невысокий годи выбрал себе в противники здоровенного, от пяток до макушки разрисованного татуировками и вооруженного плохо выкованным но тяжелым топором пикта. Сверкнули два длинных изогнутых ножа, асир нырнул прямо под опускающийся топор кувырнулся через голову и отточенным движением нанес удар сзади, по сухожилиям над коленом. Дикарь взвыл и повалился наземь.

Конан без особого труда расправился с остальными, развернулся и мигом был атакован двумя пиктскими девицами - они сжимали с ладонях кремниевые ножи. На первый взгляд, оружие несерьезное, но при умелом обращении способное нанести жуткие плохо заживающие раны...

— Убирайтесь! — вдруг заорал Сигвальд. — Убирайтесь, и старую ведьму с собой прихватите! Вы нам не нужны!

— Сдурел, — буркнул Конан. Одна из женщин тут же отскочила в сторону и набросилась на годи, которому теперь оставалось только обороняться. — Да убей ты ее, балда!

Трудности разрешил невозмутимый Эмерт. Боссонец вышел из-за деревьев и мастерски всадил по стреле в бедро каждой из разъяренных девок. При всем желании с их стороны драться с такой раной было невозможно.

— Связать всех! — приказал Конан. — Сигвальд, куда ты лезешь! Сперва выбей нож из ее ладони! Эмерт, тащи сюда старуху! Потом отволоки трупы к реке и брось в воду!

Итак, пленников оказалось четверо, а точнее пятеро: две серокожие девки, раненый Сигвальдом воин и живописная старица с младенцем. Асир смотрел на старуху, открыв рот - он прежде не видел живых пиктов, тем более таких колоритных.

Сказать, что эта уважаемая бабушка была страшна, как Морана-Смерть, значит, ничего не сказать! Спутанные грязно-седые волосы увязаны в узел на затылке и переплетены ремешками из кожи, подозрительно напоминающей человеческую. Из одежды - только грязнющая набедренная повязка грубого полотна, на шее множество амулетов самого разного вида - Конан сразу выделил оберег из высушенного указательного пальца какого-то бедняги. Непременные татуировки тоже впечатляли — сплошные черепа, берцовые косточки и изображения божков, тупорылых ублюдков, застывших в невыносимой свирепости.

Точно, ведьма... А это значит, что старухе надо накрепко связать руки и опутать пальцы нарочно припасенной для таких случаев серебряной нитью, чтоб не могла колдовать. Киммериец слишком хорошо знал, насколько серьезны могут быть проклятия, насылаемые пиктскими колдунами на недругов.

— Тащить их в форт? — вслух подумал Конан, после того как Эмерт сбросил последний труп в волны реки и вернулся на полянку. — Замучаемся ведь! Допросить здесь и...

— И убить? — дополнил Сигвальд. — А младенца куда денем?

— В реку, — пожал плечами Конан. — Тебе в сотый раз повторить, что это враги? Лет через пятнадцать из прелестного малютки вырастет такой вот разукрашенный монстр, который без всяких сомнений и душевных терзаний всадит тебе топор в череп...

Старуха посматривала на врагов, перебивших большую часть ее семьи мрачно, однако не без заинтересованности. Девки, при каждом движении Конана или его друзей шипели, будто змеи. Пикт тихо стонал - потерял много крови, хотя Сигвальд успел перевязать ему раны. Ходить он так или иначе уже не сможет - придется добивать. Это Конан понимал отчетливо... А что вы хотите? Тут идет война, а подобного рода милость по отношению к противнику приветствуется во все времена!

— Оставьте ребенка мне... — вдруг проскрипела старица, заставив Следопытов вздрогнуть - слишком странно звучал ее голос, будто острием ножа по слюде водили. Говорила она по-аквилонски, правильно строя фразы. - Отпустите меня и ребенка, остальных убейте. Вы ведь хотите что-то узнать?

— Цыц, карга! — рявкнул было киммериец, но асир отстранил варвара и сказал:

— Конан, Эмерт, дайте мне с ней побеседовать. Я вижу, что эта женщина тоже знает искусство общения с духами, мы лучше поймем друг друга. Идите на пригорок, посидите на солнышке...

— Как знаешь, — пожал плечами Конан, а Эмерт, как всегда, промолчал. — Но учти – если она превратит тебя в крысу или кролика, расколдовывать будет некому...

Киммериец предпочел не уходить далеко - мало ли что может случиться, Сигвальд еще слишком неопытен и не знает, какие поганые сюрпризы могут преподнести пикты, пусть даже выглядящие слабыми и беспомощными. Годи разговаривал со старухой не менее полуколокола, тень от вершины ели успела отползти от сапог Конана не менее чем на три локтя...

— Он точно ненормальный! - варвар вскочил с кочки на которой сидел, но Эмерт удержал его за рукав, проворчав:

— Кажется, Сигвальд знает, что делает. Не кипятись.

Асир разрезал путы на руках старухи и зачем-то отдал ей один из своих изогнутых ножей. Страшенная ведьма совершенно спокойно перерезала горло сначала девицам, которые приняли смерть от ее руки с удивительным бесстрастием, потом вонзила нож в грудь раненому и молча вернула клинок годи. Потом она подобрала сверток с младенцем и пошла к берегу. Не оборачиваясь.

— И как прикажешь такое понимать? — выдохнул Конан, подбежав к Сигвальду. – Зачем отпустил?

— Я взял с нее слово никогда не вредить нам троим ни холодной сталью, ни магией, — ответил годи. — И призвал в свидетели этой клятвы такие силы, которых ведьма остережется, даже если под угрозой будет ее жизнь или жизнь внука...

— Что-нибудь узнал? — подал голос Эмерт. — Почему пикты уходят на Закат?

— Узнал... Похоже, мы попали в очень серьезную переделку. И на месте всех, кто обитает в Тусцелане, я бы тоже ушел за реку. Поскольку нечисть боится текучей воды и не сможет перебраться на тот берег.

— Нечисть? — нахмурился Конан. — Что за нечисть?

— Идемте в форт. По дороге расскажу.

В который уже раз над вершинами деревьев пронеслась волна плача и стенаний. Конану, стоявшему посреди поляны, под лучами яркого весеннего солнца внезапно стало очень и очень холодно...

* * *

— Не знаю, что и сказать, — разводил руками Сигвальд. — У всех народов Полуночи и Заката существуют свои сказания, порой жутковатые, но рассказ пиктской старухи привел меня в полное замешательство. Ничего похожего в сагах Нордхейма я не встречал... Такое впечатление, что эта легенда древнее, чем Валузия. В дочеловеческие времена наш мир населяли существа непредставимые и непознаваемые разумом смертного человека.

— Давай-ка еще раз подумаем, — отозвался Конан, устроившийся на лавке напротив годи. — Пикты уходят за реку только потому, что проснулся этот самый... Вин... Как его?

— Ведьма называло его «Вендикко», дух, оберегающий эти леса исконно, дух мертвых, которые берегут от человека древние чащи.

— И просыпается он на сто дней каждые сто лет?

— Так она сказала.

— И сейчас он бродит по своим владениям?

— Именно. Понимаешь, почему аквилонцы ничегошеньки об этом Вендикко не знают? Заселение приречных земель началось не более двадцати зим тому, а до этого здесь обитали только небольшие пиктские племена, по каким-то причинам покинувшие левобережную Пущу. Пикты стоят куда ближе к природе, чем мы, нордлинги, а уж тем более аквилонцы. Дикари обладают памятью и знаниями, которые утеряны многими другими народами.

— Слушай, Сигвальд, меня мало интересуют память и знания пиктов. Ты можешь внятно объяснить что такое или кто такой этот самый Вендикко, какую опасность он может

представлять для нас и как управиться с этой напастью, если, не приведи Кром, это существо попытается напасть на форт?..

— Пикты уверены, что Вендикко, как любое другое порождение древности непобедим... Поэтому племена решили бежать с нашего берега. Переждать опасность.

— Он злой?

— Старуха постоянно твердила слово «ужасный». Никаких подробностей. Она опасалась что Дух Лесов услышит ее слова и придет.

— Это мне ни о чем не говорит. Эмерт тоже иногда может быть ужасным, особенно с похмелья. Ты вытряс из ведьмы, как он выглядит? Что может сделать? Это демон или живое существо?

— Ни то и не другое, - покачал головой годи, ответив только на последний вопрос. – Это бог. По крайней мере, именно такой вывод я сделал из слов старухи. Страшный нечеловеческий бог, для которого люди являются примерно тем же самым, чем для нас блохи.

Конан напряженно побарабанил пальцами по столу.

— В прежние времена мне доводилось встречаться с Духами Природы, — сказал киммериец. — Они называют себя «броллайхэн» и обычно воплощаются в человеческое тело. Броллайхэн безобидны - это всего лишь духи-хранители всего живого, что есть в этом мире. Никакой черной магии, кстати - они предпочитают волшебство Равновесия. Может, Вендикко является неким подобие броллайхэн? Нет, не может того быть! Эти рыдания, ледяной ветер... Жуть берет, клянусь молотом Крома!

— Скорее всего, берлога Вендикко совсем неподалеку, - мрачно ответствовал Сигвальд. — Если вспомнить, откуда доносится плач, то получается, что это чудо живет примерно на половине пути между Тусцеланом и фортом Мосаман, что стоит в пяти лигах к Полудню. Там река делает большой изгиб, получается здоровенный полуостров... Я нарочно сходил к сотнику Хольму, попросил у него рисованный план здешних мест.

Годи вытащил из-за пазухи медный тубус для хранения пергаментов, вынул из него свиток, смел ладонью со стола хлебные крошки и расстелил план на шершавых досках.

— Глядите, — асир окликнул Конана и Эмерта, которого, на первый взгляд, интересовало лишь содержимое кружки с элем. Доселе лучник предпочитал в разговор не вступать. — Если я правильно понимаю, мы находимся вот здесь, — Сигвальд ткнул пальцем в большую красную точку на плане. — Эта черная линия - дорога к форту Мосаман, только почему-то она идет не вдоль берега и даже не по прямой, а в обход полуострова. Не слишком удобно, не находите?

— Лично я не замечаю ничего необычного, — поморщился киммериец. — Видишь, на карте обозначены холмы? Дорога просто обходит возвышенности.

— Приглядись! — продолжал настаивать годи. — Весь левый берег от Велитриума и далее до рубежей Боссонии обследован - отмечены даже межевые камни. А несколько лиг между нами и Мосаманом остаются сплошным белым пятном. Ни тебе тропок, ни ручьев. Ты сам ходил на полуостров? Или другие Следопыты?

— Странность какая... — киммериец озадаченно почесал в затылке. — Действительно, я в округе каждый куст знаю, а туда не забирался. Мимо проходил, никаких сомнений, но не дальше. Понял! Там же сплошной бурелом, завалы гнилых древесных стволов, никакой пикт не сунется - только ноги себе переломает! Пикты хоть и дикари, но предпочитают жить в чистом и светлом лесу, не посреди болота или в таких вот ведьминых рощах...

— Вот то-то и оно, — заключил Сигвальд. — Вроде бы и недалеко, а люди там не бывали. Спрашивается: почему? Место удобное, сторожевой форт поставить можно, благо противоположный берег с полуострова просматривается замечательно. Дорога идет вобход, на карте ни единого значка. Подозрительно.

— Табу? — коротко предположил Эмерт. — Запретное место?

— Чепуха, — отмахнулся киммериец. — Какое дело аквилонцам до наложенных пиктами табу? Мне почему-то кажется, что это место само не пускает к себе человека. Если конечно, вы понимаете, о чем я говорю. Отлично помню, что мне надо было идти по короткому пути до Мосамана, попытался было сунуться к бурелому, но перебраться через завал не удалось, а тут будто нарочно удобная звериная тропка отыскалась. Самое смешное в том, что раньше я об этой тропе не знал. И потом ее не видел. Да и не хотелось мне лезть через бурелом - на сердце тяжело было.

— А именно? — Сигвальд наклонил голову, будто любопытная птица. — Дурное предчувствие?

— И это тоже. В голове стало муторно, будто дурного эля перепил. Теперь-то понятно, что это морок был. Магия. Магия этого места.

— Не надо во всем непонятном и странном видеть магию, — ответил годи. — В нашем мире существует множество сил, которые не имеют к магии ровным счетом никакого отношения. Это только в страшных сказках героев окружают злые колдуны, пьющие кровь новорожденных младенцев и приносящие в жертву девственниц на каком-нибудь Черном Алтаре Зла... В настоящей жизни все не так красиво и не так привлекательно.

— Брось ты эти ненужные умствования, — киммериец недовольно поморщился. – Знаешь, почему я до сих пор жив? Да потому, что воспринимаю мир таким, какой он есть. И умею называть зло - злом, хороших людей – хорошими людьми, а опасность - опасностью. И есть у меня оч-чень серьезное подозрение, что там, за буреломом, скрывается нешуточная опасность. Пикты не зря ушли за реку. Они боятся. Смертно боятся.

— ...И боятся они не столько самого Вендикко, а того, что приносит в мир его пробуждение, - тихо сказал асир. — Старуха сказала, что если мы решили остаться здесь, а не уйти на Восход, оставив эти земли Духу Лесов, нам надо опасаться некоего искушения. Какой-то нечистоты, к которой Вендикко может подтолкнуть человека, причем сам человек будет уверен, что действует из самых лучших побуждений. Ибо все, что исходит от Духа Лесов - нечисто. Точнее, принадлежит не людям, а народам глубочайшей древности вроде кро-мара или о-ши...

— Понимаешь ли, по большому счету нам сейчас от этого не холодно и не жарко, — рассудил Конан. — Не вижу особых причин бояться доносящихся из леса звуков или ветра, который так напугал нашего почтенного сотника. Это, как бы сказать неосязаемо. Никакой реальной опасности.

— Я полагал, ты более благоразумен, — огорчился Сигвальд. — Сколько можно талдычить: пиктские племена не зря покинули левобережье и спрятались в Пуще. Если что-то может напугать тысячи людей, пусть даже и варваров...

— На себя посмотри, — усмехнулся Конан. — С точки зрения аквилонцев, сиречь, подданных Трона Льва, мы с тобой ничуть не лучше пиктов. Один из Асгарда, второй - из Киммерии. Есть предложение завалиться спать до утра. В любом случае, если этот страшенный Дух Лесов, о котором ты мне все уши прожужжал, явится под стены крепости и начнет просить у караульных бочонок пива, мы об этом узнаем первыми. Поскольку спать я

собираюсь в надвратной башне.

— Ох, гляди, не поплатиться бы нам за легкомыслие, — на бледной физиономии годи отразилась неуверенность. — Сколько мечей в форте? Меньше пяти сотен? Да бабы с арбалетами. А пиктов — тысячи, и все ушли. До единого. Бросив все.

— Ну и напугала же тебя эта пиктская ведьма, — вздохнул Конан. — Точно порчу навела! А с утра таким бодреньким был, не боялся ни богов ни демонов... Пойдем на отдых, целый день бродили...

* * *

Ночи доселе были по-зимнему долгие. Особенно, если учитывать то, что приграничные крепости располагались в самом верхнем течении Чёрной реки. А, следовательно, находились куда полуночнее аквилонской столицы и иных крупных городов, за исключением, пожалуй, Танасула. Темнеет рано, рассвет поздно, непременные весенние туманы наползают на ночные холмы, многокрасочных восходов солнца стоит ждать только к наступлению лета, а так - любое утро пасмурно, промозгло и безрадостно.

Той знаменательной ночью форт Тусцелан пробудился задолго до рассвета. А причиной тому была паника, внезапно поднятая стражей угловых башен, смотревших на полуденный восход и полуденный закат.

— Что, Сет вас раздери, здесь происходит?! — Конан вынырнул из-под попоны, которой укрылся на ночь, и уставился на не менее осоловелого Сигвальда. — Почему орут?

— Ты меня спрашиваешь? — буркнул асир, шаря ладонью по соломе в надежде отыскать сапог. — А, вот, нашелся! Бегом наверх!

— Он ещё командовать тут будет... Эй-эй, стой! - киммериец вытянул руку и схватил за рубаху пробегавшего мимо Хольма, юного помощника почтенного сотника. — Отчего шумят? Пикты?

— Чу-чудовище! - слегка замкнувшись, пискнул мальчишка. — Здоровенное!

— Откуда здесь чудовище? — философски сам себя спросил Конан, перебрасывая перевязь через плечо. — Да в этих проклятущих болотах отродясь не водилось ничего страшнее медведей или, на худой конец, водяных ящеров! Хольм, стой! Куда побежал?

— Так ведь чудовище, господин десятник.

— И что теперь? Ты можешь внятно сказать, что случилось?!

— Не могу, господин десятник. Чудовище...

— Бестолочь! Пошел вон отсюда!

Хольм исчез, будто его и не было.

— Я говорил, я предупреждал, — пыхтел за спиной киммерийца Сигвальд, пока они взбирались по крутой лестнице на барбикен. — А ты не верил.

— Отцепись! — рявкнул Конан. — Сейчас посмотрим, что за чуду узрели наши доблестные стражи. Небось, ночного филина испугались, голову на отсечение даю.

Конан совершенно зря так смело распоряжался своей головой, ибо будь таковая голова поставлена на кон в настоящем споре, пришлось бы киммерийцу её потерять безвозвратно.

Факелы по периметру стены не горели. Варвар заметил кого-то из десятка ночной

стражи, пытавшегося кремнем высечь огонь, но просмоленные тряпицы, которыми обматывались древки факелов, упорно не желали загораться, - живое пламя мгновенно гасил холодный, не меняющий направления ветер. Кроме ожесточенной ругани караульных, редкого полязгивания оружия и воя почуявших недоброе собак, ничего не было слышно.

— Что за беда? — Конан отыскал сотника и слегка встряхнул старика за шиворот. Глаза у того были совершенно ошалевшие. — Хуннар, ты меня слышишь?!

— Не вопи на всю округу, — процедил сотник. — Оно где-то здесь, совсем рядом. Его только что видели возле берега...

И Хуннар указал в сторону, откуда доносился тихий плеск речных волн.

— Какое такое «оно»? - окончательно запутался Конан. — Кого видели?

— Нежить! — с истерическими нотками в голосе выкрикнул сотник. — Оно громадное, как дом!

— Так, — тихо и очень спокойно сказал киммериец. — Вот уже хоть что-то содержательное. Большая, как дом, нежить разгуливает возле реки, верно?

— Ага — почти обреченно согласился Хуннар. — Его услышали ещё два квадранса назад, деревья в лесу трещали. Потом ветер, потом рыдания эти поганые. А потом оно начало бродить вокруг крепости, и собаки завыли. Лошади в конюшнях беспокоятся - сам знаешь, домашняя скотина нечисть за десять лиг чует. А это - натуральная всамделишная нечисть! Огни погасли, а наши факелы в любую бурю горят исправно.

— Конан, ты до сих пор мне не веришь? — с самым невинным видом осведомился Сигвальд.

— Чему мне верить? — Конан начал выходить из себя, поскольку не замечал ничего особенного, если не считать легкой паники среди стражи. — Собаки воют? Ну и что? Они каждую ночь воют!..

И вот тут дощатый настил под ногами киммерийца чуть колыхнулся. Так покачивается на волне привязанная у берега лодка.

Ледяной ветер ударил в лицо с новой силой. Никогда не подумаешь, что ветер может быть настолько холодным, пробирающим до костей. Не спасет никакая одежда - для него она не существует. Еще горевшие за периметром стен Тусцелана костры внезапно погасли - все до единого и одновременно. Голоса стражи утихли. Люди замолчали, узрев то, что пришло из самых черных и непроходимых чащ.

В груди каждого обитателя форта зашевелился, расползаясь по всем членам, холод смертельного ужаса, такого, какой испытываешь только при встрече с самим Нергалом, пришедшим забрать тебя на унылые Серые Равнины, в царство скорби. Появившееся на берегу реки создание не походило ни на что ранее виденное Конаном. Эта Сила не любила и отрицала свет, жизнь, огонь. Она жила, точнее, существовала только для себя, используя живых исключительно как слуг или рабов...

Неровный, подобный лунному, зелено-синий свет вдруг залил берег, бросив свои мертвенные лучи на бревна стен Тусцелана. Очень странное зрелище: нигде не видно источника света, он является ниоткуда и в то же время отовсюду; кажется, что земля, деревья, море сами изливают не создающее тени пульсирующее мерцание. Мерцание болотной гнили.

Время не остановилось, не повернуло вспять. Оно просто перестало существовать. От реального мира ничего не осталось - ушли запахи, ощущения света, даже воздух словно сгустился, и теперь, чтобы сделать простой вдох, требовались немалые усилия. Сейчас

киммериец понял, как должен выглядеть Нагльфар - корабль мертвецов из нордхеймских и киммерийских легенд о Конце Мира и великой Битве Богов. Точь-в-точь так, как сейчас смотрится форт Тусцелан, крошечный, окруженный лесным океаном кораблик, созданный руками человека: светящееся гнилое дерево, люди-призраки, сжимающие в руках бледные мечи, на лезвиях которых трепещу! мертвенное пламя...

Преодолевая возникшую вдруг сонную тяжесть, забивающую сознание волну черной мути Конан и Сигвальд перевели взгляд туда, где у самой кромки воды поднималась черным пятном Сила. Да можно ли назвать столь гордым словом то, что само мертво и несёт только смерть и холод? А киммериец был уверен в своих чувствах - оно не живое.

Любой человек в сравнении с Духом Лесов показался бы сущей козявкой, не достойной никакого внимания. Ступни громадного существа утопали в наползающем со стороны водного потока тумане, что мутными клубами накатывался на берег, а вот выше...

Старая ведьма, с которой минувшим днем разговаривал асир, была права, когда говорила, что Вендикко мало похож на человека. Издали создавалось впечатление, что его тело покрыто густой, свалявшейся в комки, черной шерстью. Лица не было видно, только лишь вспыхивали ледяные зеленые искры посаженных близко друг к другу точек-глаз.

Явившееся из глубин веков, незнаемое чудище стояло далеко от стен Тусцелана, в двух лучных перестрелах - расстояние достаточно большое. Но даже с надвратной башни форта ощущалась немыслимая мощь Вендикко. Рост Духа Лесов превышал все мыслимые размеры, голова чудовища поднималась над верхушками самых старых деревьев, которые ему, наверное, виделись так же, как человеку - высокая трава. Стволы рук могли сокрушить без усилий любое укрепление форта.

— Да что же это такое... — выдавил Конан. — Бот теперь я отлично понимаю пиктов! Таких монстров не должно существовать!

— Многое в этом мире существовать не должно, — просипел Сигвальд. — Смотри, смотри!

Земля снова вздрогнула: Вендикко шагнул вперед, медленно поднял правую лапищу и развернул ладонь в сторону Тусцелана. В слабых лучах убывающей луны явственно сверкнули длинные лилово-черные когти.

Дальнейшее можно бы было назвать одним-единственным подходящим словом: дуновение. Киммериец напряженно наблюдал за разошедшейся от ладони Вендикко волной не то стылого воздуха, не то невесомого бледного тумана, подсвеченного зеленовато-голубым огнем. Волна расходилась от когтистой длани Духа Лесов подобно одинокому кругу на воде, медленно, но неотвратимо накатываясь на замершую в ожидании беды крепость.

Сигвальд схватил Конана за рукав и попытался повалить киммерийца — асир пытался защититься от наплывающей волны. Конан же попытался закрыться подобранным на башенной галерее щитом, брошенным одним из караульных, но в этот момент дуновение достигло Тусцелана.

Туманное марево коснулось бревен барбикена, перевалило через стену, залив галерею и поглотив остолбеневших от страха людей. Распространился тонкий, почти неощутимый запах разложения, слизко-тошнотворная зыбь захватила все вокруг. Оружие стало валиться из рук, люди будто заледенели, а затем начали, точно в полусне, падать на доски.

Конан непроизвольно схватился за плечо годи — почувствовал, что сейчас упадет. В голове было мутно.

— Держи! И не выпускай из руки! — Сигвальд быстро сунул в ладонь Конана какой-то

небольшой предмет, на ощупь - металлический. — Твой Кром и наш Доннар защитят - они повелители живого пламени!

Ладонь киммерийца сильно обожгло - очень больно! Но боль оказалась спасительной - что-то неуловимое, непостижимое угасающему разуму вначале встряхнуло варвара, а затем начинающий терять сознание Конан ощутил теплые толчки, равно как под правой рукой был не кусок серебра, а живое человеческое сердце. В голове прояснилось, насланная Лесным Духом истома изгонялась бесследно ровными, мощными ударами.

Тело вновь обрело силу, мысли стали четкими, дурнота ушла прочь, не оставив о себе воспоминаний.

Конан выпрямился, сжимая в руке небольшой комок металла. Он так и не успел понять, что это такое.

— Подавись, скотина! - киммериец, твердо стоя на ногах, плюнул в сторону возвышавшегося на берегу черного силуэта и повернулся к Сигвальду:

— Что это было? Как ты сумел защитить нас?

— А ты посмотри, — быстро сказал асир.

В ладони варвара лежал амулет — серебряный молот, оружие Крома.

— Кром и Доннар - братья, — проговорил Сигвальд. — Поверь, жрецы тоже могут драться против врага, только не мечом, а с помощью дарованной нам богами силы. Амулеты наполнены силой великих духов Полуночи...

Киммериец быстро осмотрелся и скупо выругался: такое можно увидеть лишь в дурном сне. Караульные, успевшие прибежать на стены дружинники-асиры, сотник Раграр - все до единого лежали вповалку. У многих из приоткрытых ртов текла слюна, на губах белела пена. Сотник, видимо в последнем усилии пытавшийся поднять меч для защиты от неведомого, упал грудью на деревянный парапет стены и теперь его руки бессильно свешивались вниз. Мертвую крепость, озаренную зеленоватыми лучами колдовского огня, теперь можно взять голыми руками. Похоже, Вендикко этого и добивался. А округа наполнилась невероятными, жуткими звуками, издаваемой беснующейся вокруг Тусцелана силой - оно, нечто, завывало на сотни голосов, рыдания сменялись хохотом, потом раскатывались взрывы заунывных стенаний, затем оно снова хохотало, хохотало, торжествуя над жалкими смертными...

И тут Конан понял: они с Сигвальдом остались в обреченном форте единственными людьми, которых не коснулась магия Духа Лесов.

А если так - надо действовать!

* * *

Поначалу Конан решил, что Вендикко сам атакует форт - чудище было настолько большим, что разнести Тусцелан по бревнышку для него особой трудности не составило бы, уж больно силен с виду. Но монстр не двигался - стоял у берега, озирая крепость крошечными зелеными глазками, мерцавшими во тьме подобно двум колдовским огонькам...

— Вдвоем мы его не завалим, — качая головой, шептал Конан, одновременно поглядывая в бойницу. — Невозможно, слишком здоровый. Сигвальд, соображай, ты же жрец, годи – тебя должны были научить, как бороться с такой пакостью!

— Я - жрец, а он - бог! — сквозь зубы протянул асир. — Неимоверно древний, невероятно сильный, непознаваемый и не-человеческий! Говаривают, людям можно договориться даже со стигийским Сетом или Затхом из Заморы - все-таки это наши боги, покровительствующие людям, пусти и не всем. Но это чудовище пришло из другого мира... Оно живет здесь со времен, когда о людях еще и слыхом не слыхивали. Никакая магия человека не победит Вендикко - она просто не подействует!

— А почему Молот Крома подействовал? — мгновенно переспросил Конан.

— Балда! Да потому, что только боги могут противостоять богам! И в оберегах заключена сила богов!

— Боги? — варвара будто встряхнуло. — Вы же притащили с собой трех истуканов! А у нас в Тусцелане даже митрианской часовни нет, хотя аквилонцы поклоняются Золотому Оку! Пускай это боги Нордхейма, но ведь покровители асиров и ванов обязаны противостоять злу!

— Это не боги, а их изображения, — выдохнул Сигвальд. — Символы, понимаешь? Безгласные деревянные идолы!

— Но ты же каждое утро мажешь им губы кровью и медом! И ты веришь, что этим принес жертву, приятную Силам! А за искреннюю веру боги воздают, уж поверь старому бродяге, который видел богов вживую! А ну пошли!

— Куда? - вытаращился годи.

— К Доннару, Вотану и Бальдуру! Твоим богам! Они подскажут, что надо делать!

— Ты сумасшедший, — прохрипел Сигвальд. — Но я действительно верю... И пусть родичи Вотана воздадут мне за служение...

— Сразу бы так, — киммериец поднял Сигвальда на ноги и подтолкнул к лестнице. — Быстрее! Не видишь, что под стеной творится?

— Вижу, — помертвел асир, мельком взглянув вниз и тотчас отвернувшись. - Похоже, скоро ты уйдешь в чертоги Крома, а я в Валхаллу...

— Это мы еще посмотрим, — пытаясь подбодрить годи, усмехнулся Конан. - Чего встал? Бегом!

Варвар заметил, что толстые бревна, из которых была сложена надвратная башня, покрылись инеем. Непрерывный ветер, насылаемый Духом Лесов, стал еще холоднее...

* * *

Вендикко пришел не один — оказалось, древнее божество привело с собой воинство. И воинство весьма странное. Конан углядел, как из влажной почвы у стен крепости выпрастываются струи пара или тумана, затем невесомые облачка обретают форму и словно бы обретают плоть, превращаясь в некое подобие призраков, имеющих отдаленное сходство с человеком: две руки, две ноги, растущий из «плеч» бугорок, который, вероятно, должен обозначать голову. Да вот только передвигались эти твари необычно — опирались о землю всеми четырьмя лапами, подобно дарфарским обезьянам, плавно подпрыгивали, дергались, будто исполняя некий танец.

Вскоре Тусцелан оказался окружен сотнями привидений, начавших медленно приближаться к стенам. Киммериец лишь зубами скрипнул, заметив, как на «головах»

бесплотных существ разверзлись пылающие бледно-розовым огнем горизонтальные щели - не поймешь сразу, пасть это, или единственный узкий глаз. Выглядела армия Духа Лесов угрожающе - Конан поймал себя на мысли, что ничего более мерзкого он в жизни не видел: человеческий рассудок не желал понимать, как в принадлежащий людям мир могли проникнуть чудовища давно минувших эпох...

Варвар и Сигвальд, грохоча по деревянным ступеням лестницы подошвами сапог, спустились с башни и бегом ринулись к длинному дому, отданному сотником наемникам-асирам. Костры и факелы давно погасли, но киммериец все отлично видел — зеленоватый свет, порожденный колдовством Духа Лесов, исторгался отовсюду: жилища людей, укрепления форта, даже колодезный сруб и стоявшие возле конюшен повозки мерцали изумрудным огнем. Лишь три деревянных истукана, вкопанные в землю возле обиталища нордхеймцев оставались непроницаемо черными.

— Видишь, их не коснулась магия! — Сигвальд растерянно остановился перед статуями и почтительно воззрился на изваяние Вотана. Единственный глаз божества слепо таращился на людей.

— И что теперь делать?

— Ты меня спрашиваешь? – рыкнул Конан. — Кто здесь жрец, ты или я? Сигвальд, тебя ведь должны были научить разговаривать с богами! Проси помощи!

— Так это... Нужна жертва! Только кровь открывает Врата между миром смертных и обителью незримых духов! Не курицу же резать! Да и где мы ее сейчас возьмем?

— Толку от тебя не больше, чем от младенца! — рявкнул киммериец. — Кровь? Отлично, пусть это будет моя кровь!

— Спятил? — ахнул годи, но Конан оттолкнул его, выхватил правой рукой кинжал и полоснул отточенным лезвием по своей левой ладони. Несколько капель попали на Сигвальда, а тонкая струйка казавшейся черной крови пролилась к основанию статуи Доннара, бога-громовержца, хранителя мира.

В сущности, на подобные царапины варвар давно перестал обращать внимание – мужчина обязан терпеть боль, особенно если кровь пролита ради благого дела. Но на сей раз, глубокий порез на ладони вызвал не боль, а ощущение блаженного тепла, волной разлившегося по всему телу. Конан и асир попятились, увидев, как статуя Доннара внезапно начала наливаться золотистым огнем - дерево словно обращалось в разогретое в тигле золото. Неужели Доннар принял жертву?

— Ничего не понимаю, — Конан резко мотнул головой и его черные волосы рассыпались по плечам. — Почему твой бог молчит?

Статуя оставалась неподвижной и безмолвной. От Доннара исходил жар, изгонявший насланный Вендикко мороз, но более ничего чудесного не происходило, хотя варвар ожидал если не явления нордхеймского божества, то чего-то не менее впечатляющего.

— Я знаю, почему Доннар не отвечает сам, — решительно сказал жрец. — Дай кинжал!

Конан молча перебросил годи свой нож, на острие которого еще темнели темно-багровые пятна крови киммерийца. Сигвальд ловко поймал кинжал за рукоять и не раздумывая провел острием по своей руке. Новая жертва.

— Наша кровь смешалась, — чуть отрешенно проговорил годи. — Сила меча и сила жречества... О-о!

— Что с тобой? — подался вперед Конан, но тут же отскочил в сторону, ибо начало происходить нечто совсем уж невероятное.

Сигвальда будто околдовали. Взгляд молодого асира остановился на одной точке, глаза остекленели, движения стали очень плавными и медленными. Годи шагнул к изваянию Доннара, на которое и смотреть-то стало больно - будто солнце спустилось с небес и воплотилось в деревянного истукана. А спустя несколько мгновений Сигвальд вошел в статую - человеческое тело слилось с вытесанным из букового ствола Доннаром.

Если прежде статуя являла собой всего лишь деревянный столб с вытесанным на нем ликом Громовержца и охранительными рунами, то теперь мертвое дерево начало оживать - прежние очертания идола расплылись, потерялись в сверкнувшей бело-золотой вспышке, а затем из рвущейся к черному небу колонны живого пламени вышел человек, ничуть не похожий на прежнего Сигвальда.

Он был очень высок - на голову выше длинного Конана, обладал пышной рыжей бородищей, широченными плечами и веселым взглядом ярко-голубых больших глаз. На широком поясе висят здоровенный боевой молот.

— Доннар... - выдавил киммериец. – Быть не может!

— Почему же это - не может? – прозвучал низкий голос. Конан машинально отметил, что Доннар говорит по-киммерийски, на хорошо знакомом варвару наречии. — Вы воззвали ко мне из Тьмы и я пришел тьму рассеять...

— А Сигвальд где? — спросил Конан и вдруг понял, что сморозил глупость. Похоже, Сигвальд действительно пожертвовал собой, чтобы спасти остальных.

Однако Доннар только улыбнулся в ответ:

— Здесь, — бог Полуночи положил руку себе на грудь. — Он пока спит. Я лишь использовал силу смертного, которой ваш народ наделен в куда большей мере, чем вы думаете. Использовал ее и воплотился. Идем, глянем, что у вас стряслось. Думается мне, вы звали Доннара не для того, чтобы вести пустые разговоры?

Конан понял, что все вокруг изменилось - исчезло малахитовое зарево, сами собой вдруг запылали погасшие костры, засветились факелы. Наполнившая Тусцелан сила Вендикко беспощадно изгонялась иной, дружественной людям и не менее могучей силой, которую принес с собой рыжебородый Доннар.

Спустя много времени после этой запоминающейся ночи Конан не раз вспоминал, что тогда воспринимал Доннара, не как бога, а как обычного человека - похоже, нордхеймцы недаром почитают Молнемечущего куда более, нежели его отца, Одноглазого Вотана, почти безразличного к бедам смертных. Доннар был «своим» - было легко представить, как он сражается плечом к плечу с тобой в жаркой битве, как пьет эль в таверне или хохочет над незадачливым игроком в кости, спустившем последние медяки.

Доннар был настолько близок к человеку, что варвар позабыл о его божественной сущности, принадлежности к иному, таинственному и незнаемому миру духов, повелевающему судьбами людей. Видать не зря считается, что Доннар и киммерийский Кром - родные братья по отцу, только рожденные от разных матерей: Конан не воспринимал этого веселого бородача как «чужого бога».

— Ай, как скверно, — покачал головой Доннар, едва взобравшись на надвратную башню. - А если сделать вот так?..

Он снял с пояса свой молот, поднял над головой и Конан едва не оглох от громового раската - слепящая бело-голубая молния промелькнула между оружием бога и нависшими над фортом черными тучами. Лежавшие возле бойниц дружинники Хуннара и сам сотник начали пробуждаться от колдовского сна, окружившие крепость призраки отпрянули...

Земля вздрогнула - Морок Чащи, почуяв достойного противника, шагнул к крепости.

— Давай за мной! — приказал варвару Доннар и вдруг запросто перемахнул через ограждение стеньг, спрыгнув вниз.

«Высоко же, разобьемся!» - мельком подумал Конан, но неуверенность тут же прошла - что такое двенадцать локтей, когда рядом с тобой один из самых могучих богов Полуночи? Киммериец, не раздумывая, сиганул вслед.

... Удивительно, но прыжок с такой высоты показался варвару не страшнее прыжка с лавки в таверне. В другое время человек непременно переломал бы ноги или разбился насмерть, но не теперь! Конан мягко приземлился на обе ноги рядом с Доннаром и выхватил из ножен клинок.

— Оставь пока меч... — проговорил бородач. — Сталь не причинит вреда тем, кто не имеет плоти.

Очень неприятно было находиться посреди несметной орды призванных духом Лесов из небытия призраков, особенно гнусно выглядели красные глаза-щели, жадно уставившиеся на внезапно объявившихся врагов могучего Вендикко. Но Доннар и тут не сплоховал — чудесный боевой молот сыпал жгучие искры, заставлявшие призрачную нечисть спасаться бегством, бесплотные твари погибали от любого прикосновения горячего пламени.

Доннар, а вместе с ним и простой смертный, по имени Конан Канах без страха шли вперед, к своему главному врагу. И варвар был уверен - они изгонят вырвавшуюся из глубин времен Тьму!

Вендикко, казалось, опешил от такой наглости двух букашек, приближавшихся к его стопам. С новой силой взвыл ледяной ветер и гребень пологого холма, возвышавшегося напротив форта вспыхнул, разгораясь мертвым синим заревом - Дух Лесов призвал себе в помощь новых, невиданных тварей.

Тяжело ступавший по трескавшимися под его лапищами прибрежным валунам, Вендикко был окружен десятками мечущихся в воздухе теней. Некоторые из них походили на огромные огненные шары, оставлявшие за собой широкий след, другие напоминали птиц или драконов с полупрозрачными широкими крыльями, иные же смахивали на людей. Сонмище духов вертелось и кружилось вокруг повелителя, который оставался на фоне колеблющегося света непроницаемо-черным. Лишь редкие отблески иногда падали на отвратительную густую шерсть на его плечах и боках. Взблескивали длинные когти и холодно мерцали несообразно маленькие глаза — кто осмелился бросить вызов повелителю забытых лесов?!

Тут Конану стало до крайности неуютно - Доннар внезапно показался маленьким и ничтожным по сравнению с такой громадиной. Казалось, Дух Лесов сможет раздавить его одной лапой.

«Прекрати! - отругал себя киммериец. - Еще посмотрим, чья возьмет!»

Бог и человек остановились перед гигантским черным монстром, всего в десяти шагах. Над их головами выли и рыдали призванные Вендикко духи.

— Тебе не место в нашей вселенной! — Доннар выпрямился во весь свой немалый рост и гордо поднял голову. — Убирайся! Именем всех незримых сил нашего мира - уходи! Или ты погибнешь!

Вендикко в ответ лишь наклонился, будто хотел пристальнее рассмотреть осмелившихся бросить ему вызов ничтожных тварей.

Тотчас же раздался жуткий многоголосый вой, и десяток стремительных теней,

вынырнув из-за спины Лесного Духа, кинулись на Доннара, но бог Асгарда не остался в дураках: мгновенно подняв левую руку, он выбросил из ладони сноп белого пламени, и духи отпрянули. Вой сменился затихающими жалобными стонами. Боевой молот окутался тысячами синих искр.

— Я не пропущу тебя к людям, которых взял под свою защиту, - твердо сказал Доннар. — Ты знаешь, что наши силы несравнимы. Дух Лесов! Твоя эпоха давно миновала! Уходи!

Голос Доннара приобрел неописуемую силу. Сам бог оставался воплощенным в человеческое тело, но Конан и очнувшаяся стража Тусцелана, сгрудившаяся на стенах форта, почувствовали происходившие изменения. Воздух вокруг Доннара заколебался, как вокруг жарко горящего огня, образуя едва заметный белёсый ореол, накрывший бога подобно прозрачному колоколу. Ночь озарилась ярчайшим светом, приходящим из-за Стен тварного мира.

Вендикко отступил на два шага и утробно заурчал. Неужели испугался? Доннар поднял молот. Исступлённый рык Духа Лесов разрывал уши, с лап чудовища срывались струи зеленого огня, ударявшие в оберегавший нордхеймского бога купол. Похоже, чудовище сосредоточило все свое внимание исключительно на Доннаре.

— Была, не была! — выкрикнул Конан. — Кр-ром! Кром-воитель!

И варвар бросился вперед. Рассудок твердил, что убить этого монстра человеку не под силу, но голос разума сменила знаменитая ярость, охватывающая любого прирожденного воина в момент смертельной схватки.

Киммериец вонзил клинок в поросшую жесткой шерстью лапу Духа Лесов, тварь оглушительно взревела и отбросила человека, после чего снова атаковала Доннара.

Бог Асгарда не остался в долгу. Конана слегка оглушил удар ногой Вендикко, но он успел рассмотреть, что человеческое воплощение Доннара исчезло, уступив место пылающей, режущим глаза золотистым пламенем, тени. Клубок огня скользнул вправо и поднялся в воздух на высоту десятка локтей, опалив шкуру Лесного Духа - омерзительно запахло жженой костью. Вендикко отпрянул, попытался отмахнуться, будто человек от надоевшего комара, но...

Великий дух Нордхейма показал свою истинную мощь.

В самом Тусцелане никто толком и не понял, что именно произошло. Внезапно поплыла и задрожала земля, бревна, из которых были сложены стены форта, угрожающе затрещали, а затем тряхануло так, что никто не устоял на ногах - удивительно, что никто не порезался об оружие, вылетевшее из рук. Сотник Хуннар увидел, как разлетаются в клочья тела призраков, оставляя в горячем воздухе дымные следы и сполохи умирающего багрового огня. Вендикко отступал - пятился, сокрушая вековые деревья.

Грохот стоял немыслимый - сравнить это невероятное сражение можно было лишь с сагами о временах, когда боги боролись с великанами, желая отдать принадлежавшие им земли юной расе людей, взятых под покровительство великих сил. То справа, то слева вспыхивали и угасали сине-зеленые молнии, и очень многим защитникам Тусцелана чудилось, что за спинами ревущих и отчаянно отбивающихся духов и рядом с самим Вендикко поднимаются очертания огромного молота и чьей-то исполинской фигуры...

* * *

Тесную каморку в общем доме, теперь принадлежавшем нордхеймской дружине, заливал грязно-серый свет, какой бывает только в утренние часы ненастного и холодного весеннего дня. Очнувшийся Конан, видел, как за распахнутыми ставнями проносились к востоку лохмотья облаков, похожие на сожженные обрывки отслуживших свое тряпок. По-прежнему подвывал на разные лады врывавшийся в окно ветер, но уже не холодный, а по-настоящему весенний, пахнущий влажной землей, прелыми прошлогодними листьями и еще чем-то очень знакомым и добрым. Чем-то человеческим.

— Гляньте-ка, очухался, — киммериец услышал знакомый голос и увидел стоящего в дверях сотника. Выглядел седобородый Хуннар, как обычно - уверенно и спокойно. — Я уж и лекаря к тебе присылал по раннему утру, так он сказал, что проснешься не раньше полудня. Крепко приложило, видать. Даже киммерийские каменные головы к такому не приспособлены...

— Можно еще поспорить, у кого тут каменная голова, а у кого насквозь деревянная, — попытался сострить варвар и присел на застеленной медвежьими шкурами лежанке. — Что такого стряслось? Ничего не помню!

— Да, неужто? — поднял брови Хуннар. — Совсем ничего? А тут за утро, о ваших с Сигвальдом подвигах уже целую сагу сложили.

— Сигвальдом? – Конана внезапно озарило. — Митра Всеблагой, Кром-воитель! Он жив?

— Живехонек, не беспокойся. Тоже в беспамятстве до самого рассвета валялся, а теперь прыгает, что твой лягушонок! Да вот он!

Молодой жрец, бесцеремонно отпихнув сотника, ворвался в крошечную комнатку.

— Живой? Фу, я уж думал, что эта мразь...

И тут киммериец, чей разум был слегка затуманен, вспомнил все, что нужно было вспомнить. Доннар, Вендикко... Проклятая тварь, едва не убила ведь! Еще бы, после такого пинка далеко не всякий придет в себя спустя всего шесть колоколов!

— Видать, повезло, — Конан ощупал большую шишку на затылке - приложился головой о крепкий, как гранит, корень старой сосны. — Сет меня раздери и пожри Нергал, Сигвальд, с тобой-то что случилось? Я уж думал, что Доннар забрал тебя к себе, в Вальхаллу!

— Как бы не так! — рассмеялся годи. — Когда мы открыли проход в мир духов при помощи нашей крови, пролитой у статуи бога, Доннар использовал мое тело, чтобы воплотиться и преодолеть рубеж Зримого и Незримого миров! А когда Вендикко пробудил в нем священную ярость - отбросил телесную оболочку и предстал в истинном своем обличье! Только я этого тоже не помню...

— Утром мы нашли Сигвальда неподалеку от крепостных ворот, - дополнил Хуннар. — На нем теперь особое благословение богов...

— Это почему? — удивился Конан.

— Посмотри сам, — асир оттянул ворот рубахи. На его груди, чуть ниже левой ключицы краснел ожог. Багровое пятно в виде молота Доннара. — Теперь понимаешь? Доннар выбрал меня. Для чего - не знаю, но я подчинюсь воле Сил Нордхейма. Это судьба.

— А что случилось с Духом Лесов?— заинтересовался киммериец. — Хуннар, ты должен был все это видеть с крепостной башни!

— Он ушел. Похоже, навсегда, — просто ответил сотник. — Понял, что наши, человеческие боги, сильнее. Доннар его не убил - бог не может убить другого бога.

— Понятно, — протянул Конан.— Все, надоело валяться в постели! Пойдем-ка на свежий воздух!

Варвар натянул сапоги, набросил плащ и вслед за Сигвальдом и Хуннаром вышел на широкий двор общинного дома. Светило солнце, из кузни доносился вкусный запах угольного дыма, лучники под руководством Эмерта тренировались в стрельбе по мишени - привычная жизнь форта Тусцелан. Словно и не было минувшей ночи, когда рядом с крепостью бесновались уродливые тени и давно забытое божество лесов пыталось доказать людям, что его мир еще не мертв...

— Странно... — сказал варвар Сигвальду, поднявшись на барбикен. — Ветер-то не изменился. Все оттуда же дует - с Полуденного Заката. И слишком уж он холодный.

Годи промолчал.

— Вендикко не умер, — уверенно сказал Конан, глядя на колыхающиеся под порывами ветра вершины деревьев. — Убить древность невозможно. Тебе не кажется, что это лишь временное затишье?

Очень-очень издалека донесся знакомый плач — словно оскорбленные божества забытого прошлого, не нужные теперь ни людям, ни иным разумным тварям Хайборийского мира, оплакивали свою участь.

— И все равно я пойду на полуостров, где живет Дух Лесов! — воскликнул киммериец. — Пойду туда и убью эту тварь! Сигвальд, поможешь?

— Помогу, — не раздумывая и мгновения, ответил асир. — Тебе, Конан, я буду помогать во всем. И не только потому, что богиня удачи всегда стоит за твоим плечом. Помогу потому, что ты и я готовы выйти на бой с любым злом, что существует рядом с нами...

Холодный, пронизывающий до костей, ветер не ослабевал. И неизвестно, был он порождением неведомых эпох и чуждой людям магии, или пришел с побережья великого Закатного океана, бушующего далеко-далеко отсюда, за унылыми серыми чащобами Пиктских пущ...

Текст прислал: Romeo
Вычитал: Lord

WWW.CIMMERIA.RU